

Художникъ и моралистъ въ Л. Н. Толстомъ.

(Речь проф. А. П. Кадлубовскаго).

„Другъ мой, вернитесь къ литературной дѣятельности!.. Другъ мой, великій писатель русской земли, внемлите моей просьбѣ“. Такъ заклиналъ Л. Н. Толстого со смертнаго одра въ своемъ знаменитомъ письмѣ Тургеневъ, въ 1883 году. Онъ убѣждалъ его стать вновь художникомъ слова, переставъ быть религіознымъ мыслителемъ и моралистомъ. Толстой-художникъ и Толстой-моралистъ, это въ пониманіи Тургенева два различные образа, представляемые разными эпохами его жизни, на рубежѣ которыхъ стоитъ душевный переворотъ. Это и обычное пониманіе. О переворотѣ говорить самъ Толстой въ „Исповѣди“ и другихъ сочиненіяхъ, говорятъ его біографы, говорятъ въ широкихъ кругахъ общества; послѣ переворота не художественные образы, а религіозная идея царить въ его душѣ, не воспроизведеніе жизни, а „заглядываніе за предѣлы жизни“ замѣчаютъ у него біографы. И оба эти момента дѣятельности Толстого нерѣдко столь различно оцѣниваются.

Но съ другой стороны самъ Толстой говорить о переворотѣ, что онъ „давно готовился“, и что „задатки его всегда были“ въ его душѣ¹⁾. И, дѣйствительно, если мы всмотримся въ дѣятельность писателя, то значительно сгладятся передъ нами рѣзкія черты переворота. Разница несомнѣнна, но есть и глубокая связь между обоими моментами его дѣятельности. Да и слишкомъ цѣльной фигурой былъ Толстой, чтобы онъ могъ столь быстро и рѣшительно мѣняться; онъ, дѣйствительно, мѣнялся, мѣнялся до противорѣчій, но эти противорѣчія касались не основъ его міросозерцанія, а примѣ-

¹⁾ П. Бирюковъ, Л. Н. Толстой, II, 309.